

Я это сам видел!

Сила воздействия пьесы «Последняя остановка» прежде всего в том, что она написана не старыми незыблительно-настойчивым на блотделетем, а немцем, которому дороги судьбы его страны и народа, человеком, которому безусловно верится. Повествуя о разгроме гитлеровских полков, штурме Берлина и беславною конше «красного полководца», всемирно известный немецкий писатель Эрих Мария Ремарк в глубокой близости к своим современникам показывает, как каким бедствиям и страданиям пришел нашествию страну. Автор показывает жизнь одной обычной квартиры в последние сутки боев за Берлин. Атмосфера тре-

воги и надежды, горьких разочарований и веры в будущее, смерть, бродящая под окнами и рождение младенца — все это воссоздает подлинную правду жизни, заставляет напряженно вслушиваться в каждое слово, в каждый шорох за кулисами. И в этом большая заслуга Центрального театра Советской Армии, сумевшего воплотить мысль автора в напряженном действии, возвести достоверную картину последних дней нашествия. Блестящая игра артистов буквально привлекает внимание зрителей, в спектакле достигнут подлинный ансамбль исполнителей, и лучших из них выделить невозможно.

В спектакле столкнулись совершенно разные люди. Вот Росс (арт. А. Попова) — политзаключенный, непреклонный борец с нацизмом, не желающий выпускать из рук оружия, пока не будет сломен хребет нацизму, готовый во имя свободы и лучших для Германии людей убить врага. А рядом с ним — Анна Валтер (арт. В. Капустина), женщина, не признающая насилия, во имя чего бы оно ни совершалось. Анне трудно осмыслить происходящее: смерть Гитлера, бой в Берлине, ожидаемый приход русских... Пока Анна пытается разобраться в своих мыслях, вокруг последние часы штурма, а жизнь продолжается. Кавартайский удоломоченый Кернер ищет варианты в тесноте охваченных Россом. Обязательница Грета (арт. А. Котельникова) требует от Анны туалеты — не век же будет продолжаться стрельба! Переодевается в штатское офицер СС Шмидт (арт. Л. Любский), завалившийся документами антифашиста. Под окнами на фойере качается повзвнивший эфрейтор, литавщик — дезертир.

Русские уже в Берлине, вот-вот они ворвутся и в этот дом... Ожидание этой встречи занимает мысли эссы, это — самое главное, это то, что определяет судьбу Германии, решит вопрос жизни и смерти действующих лиц. И вот советские воины приходят — приходят не как злопыхатые мстители и кровожадные дикари, а как самоотверженные защитники народа, заступники в корничную паутину фашизма, которую он сам разорвать не в силах. Она была крепкой, эта паутина: тюрьмы, лагера, СС и гестапо охранили ее, душили сознание людей, глушили их страхом. Не забываем потрассаживать эпизод беседы Шмидта с заключенным доктором философии Кехом (арт. П. Вниченко). На вопроса сослуживца «Как ваше имя?», Кех отвечает: «Заключенный номер 87 (12)» или «Я парижская еврейская семья». До какой же степе-

пени «совершенство» нужно было довести угнетенные души, чтобы человек забыл свое имя!

Во время войны мне два Мессия пришлось пробовать в оккупированной Казани, и там в сам видел гитлеровские порядки. Женщина шла от соседей, у которой взгляд и долг керсину — ее повесили на фойере только по продолжению в намерении что-то пожевать. Ни дождались Личина трое суток дождя убитый старик — он после нескольких часов дня, в «загустевшем» vorne шел до улицы, и солдаты стреляли без предупреждения. Покидал город, оккупация разгромил молотками, в котором они устроили геста. Злания продолжил, зловонных людей думали, а больших и престарелых, которые не могли забыть мать, растерзали.

А сны окончились быстро, сами направились работать в Восточную Пруссию. И мы начинали с восстановления разрушенных жилищ для не пожелавших эвакуироваться немецких семей! Мы их приглашали на работу, они трепетались вместе с нами, получали одинаковые производные карточки и ту же, что и мы, зарплату! По вечерам вместе танцевали в церкви, наскоро оборудованной под клуб, немецкие и русские семьи вместе смотрели кино, один другой учили своему языку. И за пять лет я не видел, чтобы русский обидел немца. Так проявилось доброе сердце, великий и подлинный гуманизм советского народа.

«Вторая мировая война — это прощание, окончившееся крахом фашистского раба. В прощание беззастенчиво бешенства похолод с собой одержимый эфрейтор, авиационный шальгой политический волей и вершинная власти, рассеявшие дымки пожарами над Германией заспало мирное небо. Но прошло не так уж много лет, и из красных вор снова высосали голыми битые «мечта», и на западе Германии все более плазуют оголенные выросты: «Реванш! Реванш!» И под всякими соусами возрождается кермаст — коринное злоево чудовище, оружие новой агрессии, оружие политики «с позиции силы».

Пьеса Ремарка «Последняя остановка», мастера поставленная на сцене театра Советской Армии, не только ставит перед нами задачу, она предупреждает всех неопытных: «Осторожно с огнем, обожжешься!» Она предупреждает и тех, кому дорога мир, свобода и мир на земле: «Люди, будьте бдительными!»

А. ШУРОВСКИЙ,
офицер запаса.

Прозрение человека

«Всеми забытый» — так называется драма турецкого писателя Назыма Хикмета, поставленная Центральным театром Советской Армии. Это потрясающая трагедия широко известного и популярного хирурга (арт. М. Майоров) — человека, всеми забытого при жизни. Мы не знаем, когда и в какой стране происходит действие, но знаем имена героев, так как они носят условные имена — Доктор, Девушка, Женщина, Ассистент и т. д. Мы должны лишь догадываться, что все это происходит в капиталистической стране. И вот эта условность придает пьесе обобщающий смысл.

Содержание ее очень просто. Всемирно известный профессор-мелник внезапно становится убитой своей дочерью. Появляется в тюрьму, где проводит пять лет. И оказывается забытым временем, давая, своим учеником, друзьями, коллегам по работе. Помнит он нем лишь простая женщина — Мать (артистка Н. Сазонова), сыну которой Доктор вернул зрение. Эта женщина увидит Доктора в квартал, где живут так же простые, как она, люди, чтобы он лечил их детей. И мы верим, что там он найдет настоящее признание.

Яркий, запоминающийся образ Доктора создает артист М. Майоров. В нем как бы живут два человека: один — мирный и известный, другой — маленький, обидный человек. В самом начале пьесы мы видим Доктора, довольного собой и окружающими его людьми. Он легко несет бремя своей славы, собирает вырезки из газет и журналов, посвященные ему. Но вот он случайно узнал о «касе «Всеми забытый», и перешел к нам заучивший, немощный человек. Он задумался не только об этих людях. Он невольно задумался о себе. И вот эту нитку грустного размышления о своей судьбе артист проводит через весь спектакль.

Доктор заболел о славе. Рази нее он терпел свою жену, хотя знает, что она изменит ему. Рази себе он ставил своей репутации он всерьез убивал дочь. Ведь дочь всемирно известного профессора, кандидата на международную премию, не может иметь незаконнорожденного ребенка.

Особенно талантливая игра артиста в сцене наварашения Доктора и тюрьмы молодой. Перед нами разломанный человек. Он — человек из старых газет» — как горько называет себя доктор. Все, что оставляет он себе — это вырезки из старых газет. Ему очень больно и стыдно за людей, которые забыли его. Но нет. Его не постигнет судьба людей. На казе «Всеми забытых». Он ищет себе новую дорогу жизни. Он еще нужен людям. Пусть его забыли друзья. Но его не забыли простые люди. Они помнят его. «Пойдете с нами, доктор... к людям!» — зовет его простая женщина-мать. И мы верим, твердо верим, что вернется к настоящей жизни известный, но всеми забытый врач.

Очень своеобразно художественное оформление спектакля. На сцене мы не узнаем ни одного лишнего предмета. Обстановка и декорации предельно просты. Они не мешают зрителю воспринимать стремительно разворачивающееся действие. Наоборот, простота, однообразие черноты декораций и костюмов подчеркивают драматичность происходящего действия. Своеобразно, а бы сказал, кинематографично решены сцены воспоминаний героев. Например, Доктор рассказывает о «семье забытых». Гаснет свет. На сцене из полной темноты возникает обстановка кафе.

Так лаконично и остроумно поставлен чудесный спектакль о прозрении человека.

Ю. КУРАШОВ,
старший инженер отдела автоматизации и механизации завода имени Воровского.

ЯРКО, УВЛЕКАТЕЛЬНО

Мне в основном понравился спектакль «Кмень-птица» в постановке Центрального театра Советской Армии.

...Молодой студент-историк Максим обнаруживает отрывочные сведения и документы о последней экспедиции ссыльного ученого, директора Иркутского музея Платонова в районе Забайкальских гор. Истоинство, что реч идет о каком-то необъяснимом открытии...

Так начинается пьеса. Мне почему-то показалось, что с Максимом я уже встречался. Образ молодого способного ученого, который только и знает открывать что-то новое, а в практических и житейских делах мыслит лишь о бытии пятилетнего ребенка, так и переходит из пьесы в пьесу. Но Максиму — А. Куртенов верши, артист не играет, а именно живет на сцене. За это ему и прощаются те прописные газетные истины о долге ученого, об ответе за настоящее и будущее, которые заставляет его говорить драматург.

Вместе с Максимом студент-физик Сени выдают очень энергичным и практичным. Собой великодушной игрой Л. Шабарки соз-

дает образ настоящего советского студента.

А вот с Сергеем — Б. Зубиным мы опять-таки старые знакомые. Когда он является на сцене, сразу становится ясным: все, это парень в молодом костюме, конечно, пробираться в науку, и от такого жили какой-нибудь вывески, которую строго обсуждают на комсомольском собрании.

Так оно и вышло. Очень интересен и правдоподобен школьный сторож Никандр, замаскировавшийся преступник Кремль, в исполнении арт. А. Миронова. Хорошо и матрос Никита — арт. Л. Любский.

Спектакль переводит нас в библиотеку, то в кабинет полковника исторической разведки Альфия (Г. Румянцев), то в Забайкальские горы «Кмень-птица» — спектакль о молодости, самоотверженности, настоящей жизни. Это прежде всего и привлекает зрителей, которые дружными аплодисментами благодарят артистов за яркую, увлекательную постановку.

Ю. ПОДКОРЮТОВ,
группчик.

Уральский рабочий 23 ИЮН 1959 г. Свердловск